

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущенъ къ выпискѣ въ ученическія библіотеки городскихъ училищъ.

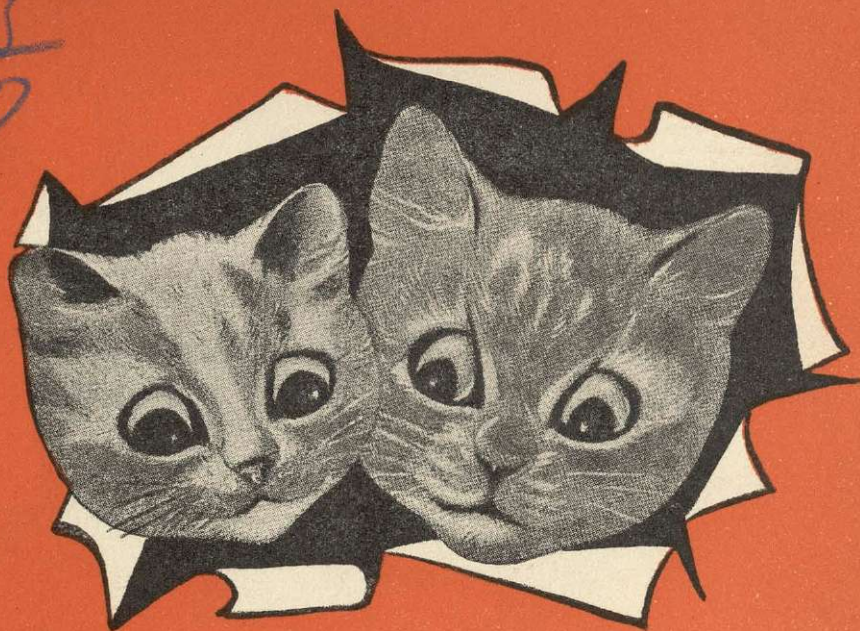
XVI 45
10

Годъ изданія третій

ЯНВАРЬ

№ 6.

1910.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

СОДЕРЖАНІЕ:

АЛИ.
УЖЪ СКОРО, СКОРО!..
НА ЗАРѢ НОВОЙ ЖИЗНИ
(Историческая повѣсть).
МАРКИЗЪ И БѢДНЯКЪ.
СЧАСТЛИВЕЦЪ.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

Бюскопъ для склеиванія.
„Сѣлая старина“ (Легенды о быломъ) сочин. А. Г. Гербертсонъ
(листь 2-й съ раскрашенной кар-

№ 6. Январь, 1910.

Годъ изданія III-й.

Два раза въ мѣсяцъ.

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЬ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

— Нѣтъ, кошка, мы не отдадимъ тебѣ этихъ мышей! Мы ихъ выпустимъ на волю!..

А Л И.

Въ одинъ морозный зимній вечеръ отецъ возвратился откуда-то изда-лека, распахнулъ шубу и досталъ изъ-за пазухи дрожавшаго отъ холода щенка.

— Вотъ вамъ подарокъ! обратился онъ къ намъ.

Мы подскочили къ нему, взяли отъ него щеночка и стали разглядывать его со всѣхъ сторонъ.

— Какой хорошенькій!.. сказали мы.— Дай, я подержу его!

— Нѣтъ, дай я!

Щенокъ едва дышалъ. Обѣ заднія лапки у него были въ крови. Вѣроятно, кто-нибудь сбросилъ его прямо съ телѣги на обмерзлую дорогу и онъ падая, расшибъ себѣ ихъ въ кровь. Закоченѣвъ отъ холода, онъ лежалъ прямо на дорогѣ и, если бы не поднялъ его мой отецъ, то онъ совсѣмъ-бы замерзъ. Къ счастью, отецъ возвращался домой и, увидавъ на дорогѣ что-то черное, остановилъ лошадь и подобралъ его.

Дѣти вообще любятъ животныхъ, поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что мы встрѣтили его съ распростертыми объятіями. Сестра Соня промыла ему лапки и обложила ихъ ватой, братъ Одея сбѣгалъ на чердакъ и притащилъ оттуда круглую, плоскую корзину, а другая сестра Таня выпросила у мамы старое разорванное одѣяльце и мы всѣ четверо при-

нялись устраивать для нашего гостя постель. Приготовивъ ее, мы уложили его въ нее и онъ улегся въ ней, точно въ гнѣздѣ. Затѣмъ мы оставили его одного и тихонько, на цыпочкахъ, ушли къ себѣ въ дѣтскую.

Потомъ мы долго разсуждали о томъ, какъ его назвать. Соня просила, чтобы его назвали Шарикомъ, а Одея и Таня — Дружкомъ. Но я рѣшительно этому воспротивился.

— Почему знать? сказалъ я. — Быть можетъ, это даже вовсе и не собака, а какой-нибудь заколдованный принцъ! Какая-нибудь злая баба-яга заколдовала его и превратила его въ щенка. Давайте лучше назовемъ его «Али».

— Давайте, давайте! согласились сестры и братъ.

И собака была названа Али.

На слѣдующее утро нашъ будущій ученикъ и пріятель поднялся въ самомъ лучшемъ расположеніи духа; только ноги у него еще болѣли, потому что онъ все еще хромалъ. Къ концу-же недѣли зажили и онъ и онъ прыгалъ уже на всѣхъ четырехъ. Онъ росъ не по днямъ, а по часамъ, и выдѣлывалъ всевозможныя проказы; онъ былъ уменъ, вѣжливъ и послушенъ. Но, увы! въ его красотѣ мы скоро разочаровались! Черезъ два-три мѣсяца онъ выросъ въ такую

громадную собачищу съ длинными ушами, что достигалъ мнѣ чуть не до пояса. Породой онъ не отличался, за то глаза у него свѣтились умомъ и добротой. Всѣ въ домѣ, отъ мала и до велика, горячо полюбили его и онъ самъ привязался ко всѣмъ. Но къ намъ, дѣтямъ, онъ положительно былъ привязанъ больше, чѣмъ ко всѣмъ другимъ. Онъ всегда участвовалъ въ нашихъ играхъ, былоли то въ комнатѣ, или въ саду, и старался оказывать намъ услуги, какія могъ. Казалось, что онъ понималъ каждое наше слово, — такъ удачны иногда были его услуги.

Замѣтивъ среди насъ ссору или споръ, онъ тотчасъ-же начиналъ сердиться и самъ. Иногда случалось, что мы даже дрались; тогда онъ начиналъ на насъ громко лаять, различалъ насъ и, если это ему не удавалось, то онъ просто насъ кусалъ; онъ хваталъ насъ за руки или за платья зубами и старался насъ растащить въ разныя стороны. А если и это не помогало, то онъ начиналъ жалобно скулить съ такимъ видомъ, точно хотѣлъ насъ умолять прекратить ссору или драку и помириться вновь. Онъ отлично зналъ всѣ наши игрушки и умѣлъ различать, которая изъ нихъ кому принадлежала. И если мы забывали въ саду на ночь нашихъ куколъ или лошадокъ, то онъ заботливо вносилъ ихъ въ домъ.

Однажды Одея захотѣлъ немножко помучить Таню и сталъ подбрасывать ея куклу, точно мячикъ,

вверхъ. Али сталъ такъ на него ворчать и сталъ бросаться на него съ такимъ угрожающимъ видомъ, что Одея испугался и долженъ былъ возвратить куклу сестрѣ.

Въ другой разъ наша мама, чтобы подразнить Али, надѣла на себя шляпу Сони. Ей хотѣлось испытать, замѣтитъ-ли Али на ней эту перемѣну? Али было стыдно бросаться на свою хозяйку, но онъ дѣйствительно замѣтилъ на головѣ у мамы чужую шляпу и цѣлые полчаса ходилъ за нею слѣдомъ и ворчалъ, точно стараясь сказать ей этимъ, что она поступила не хорошо. И до тѣхъ поръ онъ не успокоился и не замолчалъ, пока она не сняла наконецъ шляпу и не положила ее въ прихожей на столъ. Тогда онъ подошелъ къ этому столу, взялъ съ нея шляпу и съ торжественнымъ видомъ поднялся съ нею наверхъ и положилъ ее на кровать къ Сонѣ.

Когда я и Соня уходили въ гимназію, то онъ насъ обыкновенно сопровождалъ. Часть пути мы шли вмѣстѣ, а затѣмъ, дойдя до одного угла, шли въ разныя стороны: я къ себѣ въ гимназію, а Соня къ себѣ. И каждый разъ Али сопровождалъ насъ до этого угла и степенно возвращался домой. Когда-же мы выходили изъ гимназіи, то на томъ-же самомъ углу насъ снова встрѣчалъ нашъ Али и на этотъ разъ уже несъ домой въ зубахъ книжки Сони. Это былъ нашъ вѣрный другъ и преданный товарищъ.

Каково же было наше горе, даже больше: каково было наше отчаяніе, когда папа вдругъ объявилъ намъ, что мы должны разстаться съ нашимъ Али навсегда!

—Какъ?.. воскликнула Соня.—Почему? Что случилось?

— Этого не можетъ быть! воскликнулъ и я.— Мы ни за что на свѣтѣ не разстанемся съ нашимъ Али!

Но папа выслушалъ насъ, вздохнулъ и объяснилъ намъ, въ чемъ дѣло. Хозяева дома, который мы нанимали, выдали замужъ свою дочь и рѣшили передать ей и ея мужу нашу квартиру. Попросту — они отказывали намъ еще за долго до истечения срока найма. Папа и мама встревожились, стали подыскивать себѣ новую квартиру, но была зима и свободныхъ квартиръ не было во всемъ городѣ ни одной.

Наконецъ, послѣ долгихъ поисковъ, мамѣ удалось найти довольно удобную и подходящую для насъ квартиру въ домѣ двухъ богатыхъ стариковъ Курнячкиныхъ. Сами они занимали весь нижній этажъ, а верхній отдавали внаймы. Они были очень довольны, что находили такихъ хорошихъ жильцовъ и охотно соглашались на всѣ передѣлки, которыя предложилъ имъ нашъ папа, и на оклейку всей квартиры новыми обоями. Но когда они узнали, что у папы и мамы есть дѣти, да еще цѣлыхъ четверо, то они сдѣлали гримасу и разочаровались.

— Четверо дѣтей!.. Фи!.. вздохнула г-жа Курнячкина.

— Шутка-ли сказать — цѣлыхъ четверо! повторилъ Курнячкинъ.

— Сколько шума, сколько криковъ и бѣготни! сказала старуха.

— Да, подтвердилъ и ея супругъ, — бѣготня и беспорядокъ по всему дому!..

Мама стала увѣрять ихъ, что всѣ мы очень умны, добры, какъ ангелы, и совершенно непохожи на другихъ дѣтей; что мы никогда не стучимъ ногами, когда поднимаемся по лѣстницѣ, никогда не поемъ и не опрокидываемъ стульевъ и столовъ и вообще не дѣлаемъ ровно никакого шума надъ головами нижнихъ квартирантовъ.

Наконецъ, волей-неволей, старики согласились сдать квартиру жильцамъ даже съ четырьмя дѣтьми. Но увы! что касалось до другихъ живыхъ существъ, то они и слышать не хотѣли о нихъ.

— Мы не выносимъ у себя въ домѣ, сказали они, — ни канареекъ, ни попугаевъ, ни собакъ, ни кроликовъ, ни куръ. Ахъ, эти ужасные пѣтухи! Когда они начнутъ кукурекать, то мы не можемъ спать до утра! Когда лаютъ собаки, то такъ намъ и кажется, что къ намъ лѣзутъ воры!.. Какъ хотите, милостивые государи, но если вы заведете у себя хоть одну такую дрянъ, то мы немедленно-же откажемъ вамъ отъ квартиры.

Дѣлать было нечего, стояла зима, квартиръ больше не было во всемъ

городѣ, и папа съ мамой поневолѣ должны были согласиться. Такимъ образомъ намъ предстояла вѣчная разлука съ нашимъ дорогимъ другомъ Али.

Мы затосковали, перестали играть. Каждую минуту мы были готовы рыдаться и помалѣйшему поводу слезы выступали у насъ на глаза.

— Бѣдный Али! говорили мы. — Какъ теперь мы будемъ безъ него?..

Наступилъ послѣдній день и мы должны были разстаться съ Али навсегда: папа подарилъ его одному изъ своихъ знакомыхъ, какому-то Андрею Гаврилычу и въ день переѣзда на новую квартиру отвелъ его къ новому его хозяину. Бѣдная собака! Она даже и не подозрѣвала, какая судьба ее ожидала! Ее заперли на ключъ въ чуланъ, гдѣ она должна была просидѣть нѣсколько дней, пока не привыкнетъ къ своему новому жилищу и не позабудетъ о насъ. Мы же переѣхали совсѣмъ на другую сторону города, все время плакали и проклинали нашихъ новыхъ домохозяевъ. До прежней нашей квартиры нужно было идти теперь болѣе часа, такъ что ничего не могло быть удивительнаго въ томъ, что Али, просидѣвъ въ своемъ чуланѣ цѣлую недѣлю, не могъ уже больше найти насъ по слѣдамъ. Дворникъ того дома, гдѣ мы прежде жили, впоследствии рассказывалъ намъ, что вскорѣ послѣ нашего отъѣзда бѣдная собака прибѣгала на дворъ, обнюхивала лѣстницу, скулила и ца-

рапалась къ намъ въ дверь и, когда ее прогнали, то она ушла, жалобно визжа и опустивъ свой хвостъ. И эта сцена повторялась потомъ нѣсколько разъ; понявъ затѣмъ всю бесполезность своихъ посѣщеній, бѣдный Али мало-по-малу сталъ привыкать къ своему новому господину и примирился со своей судьбой.

Прошло около полугода. Однажды въ воскресенье наша кухарка съ радостнымъ видомъ вбѣжала къ намъ въ дѣтскую и рассказала намъ, что только что была у своей матери на другомъ концѣ города и по дорогѣ встрѣтилась вдругъ съ Али. Онъ такъ обрадовался ей, что чуть не сбиль ее съ ногъ.

— Онъ бросился ко мнѣ, рассказывала она, — сталъ лизать мнѣ руки и прыгалъ до самаго лица; онъ лаялъ, подскакивалъ на всѣхъ четырехъ ногахъ, скулилъ и производилъ такой шумъ, что сбѣжался народъ и, принявъ его за бѣшеную собаку, чуть-было его не убилъ. Я съ трудомъ убѣдила всѣхъ, что это не отъ бѣшенства, а отъ радости и, чтобы отъ него убѣжать, должна была сѣсть въ трамвай.

И не успѣла она еще окончить свой рассказъ, какъ мы услышали въ передней какой-то шумъ. Кто-то съ такой силой толкался во входную дверь, что она наконецъ уступила и отворилась, далеко отбросивъ отъ себя стоявшій около нея стулъ. И вдругъ влетѣлъ въ нее... какъ-бы вы думали, кто? Нашъ милый Али.

Представьте себѣ нашу радость и тотъ крикъ, который мы подняли, увидѣвъ его! Мы всѣ пятеро стали кататься по полу, онъ лаялъ изъ всѣхъ своихъ силъ, а мы плакали отъ радости и кричали, точно было свѣтопреставленіе.

Какъ вдругъ раздался звонокъ. Кто бы это былъ?.. Сама г-жа хозяйка!.. Мы такъ и замерли отъ страха... Вышла мама, пригласила ее въ гостиную, но она не захотѣла и прямо направилась къ намъ въ дѣтскую.

— Ваши дѣти такъ шумятъ, сказала она, — что внизу невозможно разговаривать. Но что это такое?.. Кажется, собака?

— Простите, пожалуйста, отвѣтила ей мама;—мы совершенно не виноваты въ томъ, что произошло. Эту собаку мы подарили нашему знакомому, который живетъ совсѣмъ на другомъ краю города; мы не видали ее уже цѣлые полгода и даже позабыли о ней, но сегодня бѣдное животное, какъ на грѣхъ, встрѣтило на улицѣ нашу кухарку и прибѣжало по ея слѣдамъ сюда.

— Надѣюсь, что завтра-же этой дряни не будетъ у меня въ домѣ, сухо произнесла г-жа Курнячкина и величественно вышла изъ комнаты и удалилась къ себѣ.

Али опять отвели къ Андрею Гаврилычу, но напрасно!.. На слѣдующій день, рано утромъ, опять слышалось его царапанье у черной двери и тотчасъ-же, какъ ее отворили, онъ скользнулъ на лѣстницу,

прибѣжалъ въ кухню и, довольный судьбою, точно никогда и не разставался съ нами и точно г-жи Курнячкиной вовсе и не существовало на свѣтѣ, забился подъ столъ и сталъ весело постукивать своимъ хвостомъ.

Что оставалось дѣлать? Опять папа отвелъ его къ Андрею Гаврилычу, но не успѣлъ еще возвратиться отъ него домой, какъ Али уже снова сидѣлъ подъ столомъ у насъ на новой квартирѣ и повиливалъ хвостомъ. Тогда папа и мама рѣшили вмѣстѣ спуститься внизъ къ нашимъ хозяевамъ, объяснить имъ, въ чемъ дѣло, и замолвить словечко за Али. Неужели они будутъ такъ жестоки, что не разрѣшатъ ему поселиться у насъ послѣ столькихъ пережитыхъ имъ страданій? Но Курнячкины отказались на отрѣзъ. Оставалось теперь только одно средство—это вовсе съехать съ квартиры и папа объявилъ имъ, что съ 1 января будетъ искать для себя уже новое жилище. Они согласились.

Тѣмъ временемъ какая-то родственница Курнячкиныхъ заболѣла и должна была уѣхать на осень въ Крымъ. У нея была дѣвочка Маня, которую она не захотѣла брать съ собой и попросила стариковъ приютить ее на время у себя.

Маня была очень милая дѣвочка, добренькая, но... ей было всего только 8 лѣтъ; ея бабушка, г-жа Курнячкина, очень любила ее, но... ей было уже 63 года. Поэтому обѣимъ имъ было

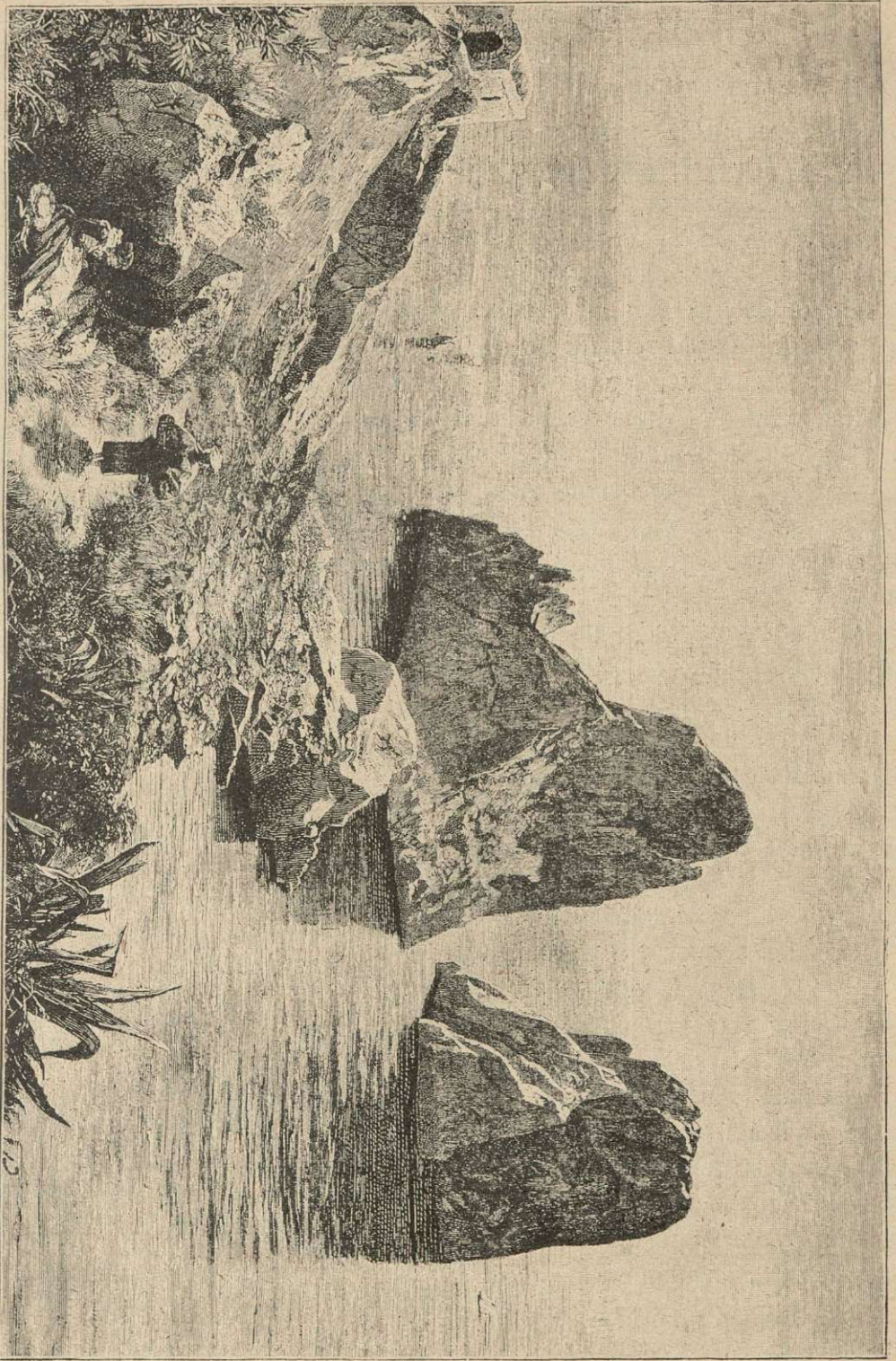
проводили на воздухѣ. Все имъ было знакомо. Онѣ знали, гдѣ растеть какой цвѣтокъ, какое яблоко должно къ вечеру созрѣть, и, кажется, даже знали наперечеть всѣхъ птицъ, которыя прилетали къ нимъ на эти деревья и распѣвали свои пѣсни.

Зимою все кругомъ заносило снѣгомъ и бушевали вѣтры; но дѣтей въ эту пору въ усадьбѣ уже не было. Едва только наступала осень и спускались на землю холодные туманы, они уѣзжали съ отцомъ и съ матерью въ большомъ тарантасѣ въ городъ и тамъ проводили зиму. Въ усадьбѣ оставалась одна только бабушка, которая управляла хозяйствомъ, слѣдила за домомъ и за дворомъ и радовалась всякій разъ, когда возвращались весною дѣти. Радовались ей и дѣвочки: она была ихъ лучшимъ другомъ, часто зазывала ихъ къ себѣ въ комнату и показывала имъ что-нибудь интересное, или-же уходила съ ними въ садъ, подъ тѣнь яблони, и тамъ рассказывала имъ какую-нибудь исторію изъ стародавнихъ временъ. Несмотря на преклонные годы, она нерѣдко принимала съ ними далекія прогулки. По дорогѣ онѣ набирали букеты, или-же всѣ трое взбирались на высокую гору надъ рѣкой и тамъ въ густомъ орѣшникѣ отдыхали или-же собирали орѣхи.

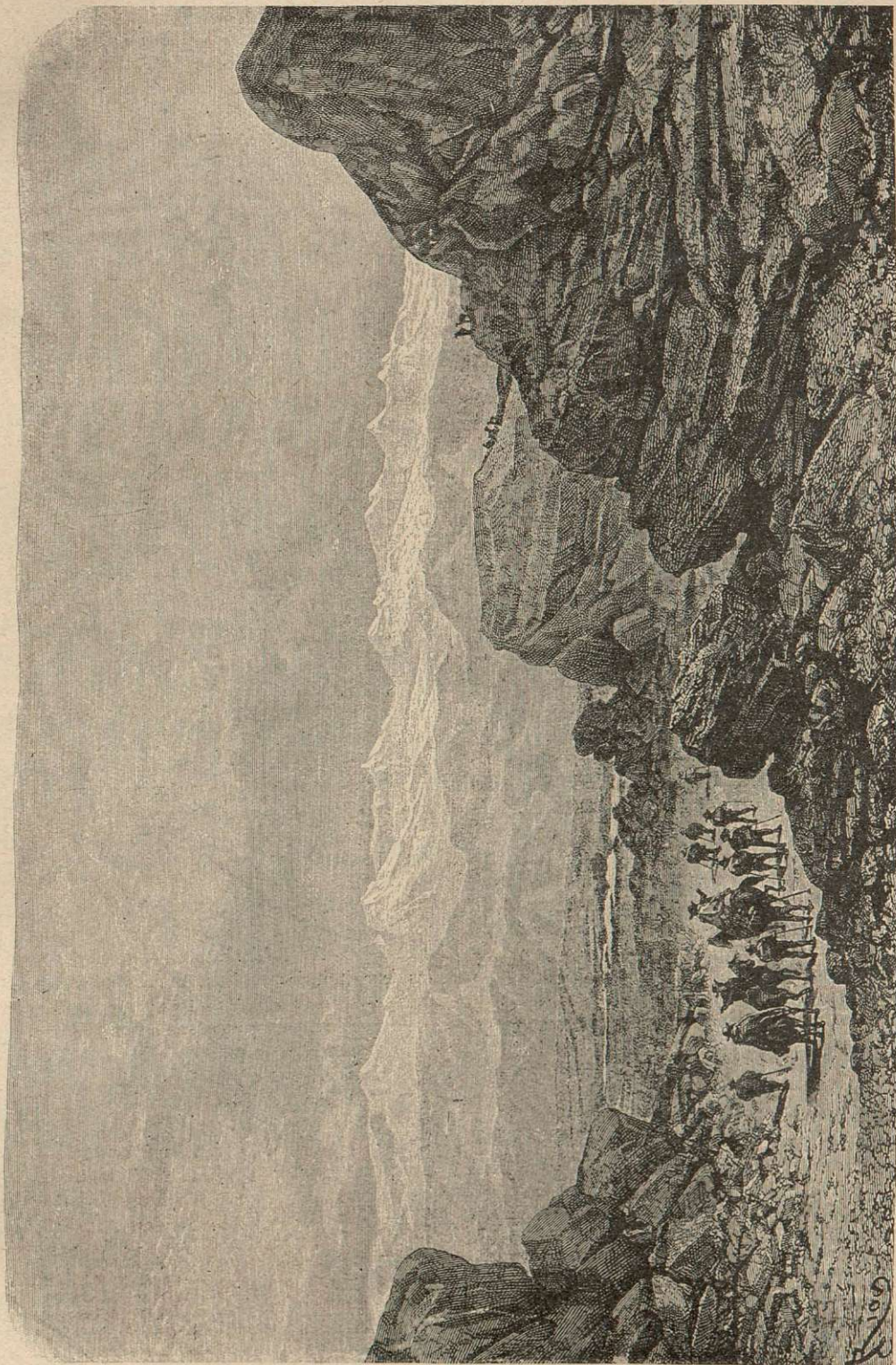
Въ одну изъ такихъ прогулокъ онѣ какъ-то долѣе обыкновеннаго

задержались на этой горѣ. Бабушка рассказывала дѣтямъ длинную исторію, которую никакъ не могла кончить, и когда дѣти вернулись къ вечеру домой, то ихъ ожидала новость. Въ ихъ отсутствіе родился ихъ братишка Сергѣй. Поля и Ирина отъ всей души обрадовались новому члену своей семьи. Онѣ качали его, пеленали, носили на рукахъ и никто и не замѣтилъ, какъ промелькнули два года и какъ мальчуганъ сталъ самъ ходить и лепетать первыя слова. Теперь уже вмѣстѣ съ бабушкой на орѣховую горку взбирался и онъ. Дѣвочки по прежнему бѣгали по ней, собирали орѣхи, а онъ лежалъ у бабушки на колѣняхъ и сладко спалъ. Когда онъ пробуждался, то бабушка вытаскивала изъ кармана бутылочку съ молокомъ, поила его и затѣмъ всѣ вмѣстѣ медленно возвращались домой.

Однажды онѣ сидѣли такъ на горкѣ и, полныя истомы отъ жаркаго дня, лѣниво смотрѣли на рѣку и на поля и на лѣса, уходившіе по ту сторону ея вдаль, какъ вдругъ раздвинулись вѣтви орѣшника и изъ нихъ вышла какая-то незнакомая смуглая дѣвочка. Она была немножко побольше Поли; руки и шея у нея были голы; одѣта она была въ старенькое зеленое платьице, когда-то отдѣланное красненькими ленточками. При видѣ старушки и незнакомыхъ дѣвочекъ она робко остановилась въ

На островѣ Капри, близъ Итрали.

Горная цепь Кордильеры в Южной Америке

И увидѣвъ вдругъ Али, она нахмурилась и проворчала:

— И эта гадость здѣсь? Прогнать ее сію же минуточку! Чтобы и духа ея здѣсь не было! Гдѣ Маня?

— Они играли въ прятки, робко отвѣтила Ѳедосья,—и Манечка спрятались такъ далеко, что никто не можетъ ихъ до сихъ поръ отыскать. Вотъ уже полчаса, какъ всѣ мы ихъ ищемъ и не можемъ найти...

Старуха поблѣднѣла и всплеснула руками.

— Значитъ, случилось несчастіе! воскликнула она.—Развѣ можетъ быть, чтобы дитя не откликнулось такъ долго? Вѣроятно, она взбѣжала на балконъ и упала съ него прямо на тротуаръ...

— О, нѣтъ, сударыня, увѣряю васъ, отвѣтила Ѳедосья.—Манечка и всѣ дѣти дальше прихожей не выбѣжали.

— Въ такомъ случаѣ ищите ее, ищите ее всѣ! закричала бабушка.

Мы бросились на поиски. Съ помощью старухи и Ѳедосьи мы обшарили все, малѣйшій уголокъ былъ нами обысканъ, но все оказалось бесполезнымъ. Маня точно провалилась сквозь полъ. Это всѣхъ насъ испугало.

Какъ вдругъ Ѳедя крикнулъ:

— Али, ищи Маню! Гдѣ Маня? Ищи ее!

Собака поднялась на ноги, поняла, въ чемъ дѣло, и тотчасъ принялась за поиски. Все время Ѳедя бѣжалъ за ней и кричалъ ей:

— Ищи! Ищи!

Они обѣгали всю гостиную, кабинетъ, Али нюхалъ воздухъ и дѣлалъ видъ, что понимаетъ, чего отъ него хотѣли, затѣмъ онъ перебѣжалъ въ спальню, обнюхалъ чуланъ и всѣ мы толпой слѣдовали за нимъ изъ комнаты въ комнату. Какъ вдругъ онъ бросился къ громадному гардеробу и сталъ скрестись въ него лапами.

— Она здѣсь, здѣсь! закричалъ я и, подбѣжавъ къ гардеробу, съ силой распахнулъ въ немъ двери.

Мы увидали въ немъ платья и накладки г-жи Курнячкиной, но Мани въ немъ не было вовсе; такъ, по крайней мѣрѣ, намъ показалось. Али же объ этомъ думалъ совершенно иначе: онъ подскочилъ къ гардеробу, схватилъ прямо зубами свалившуюся съ вѣшалки шубу и потащилъ ее за полу вонъ. Подъ этой тяжелой шубой мы увидали что-то бѣлое и затѣмъ чей-то башмакъ. Это и была Маня. Ѳедосья съ раздирающимъ душу крикомъ подскочила къ дѣвчкѣ и схватила ее на руки. Маня была безъ сознанія. Тяжесть шубы, которую она очевидно сорвала съ вѣшалки, когда пряталась въ гардеробъ, придавила ее, лишила ее воздуха, а тутъ еще сильно пахло нафталиномъ и камфарой, и она впала въ обморочное состояніе, и не проявляла ни малѣйшаго признака жизни. Тогда Ѳедя сбѣгалъ наверхъ и притащилъ съ собою внизъ нашего папу. Цѣлые четверть часа онъ приводилъ затѣмъ Маню въ чувство, но все было напрасно. Мы всѣ плакали навзрыдъ.

Когда же, полчаса спустя, она стала приходить въ себя и открыла глаза, то всѣ мы вздохнули свободно. Затѣмъ послали за докторомъ. Онъ осмотрѣлъ Маню, уложилъ ее въ постель, прописалъ ей лекарство и ушелъ.

— Если бы прошло еще хоть пять минутъ, сказалъ онъ,—то ея уже не было бы теперь въ живыхъ.

— Слава Богу!.. говорила наша хозяйка и крестилась.—Слава Богу! Какъ бы я посмотрѣла ея матери въ глаза, если бы это случилось?..

Для всѣхъ было ясно, что если дѣвочка не умерла, такъ это только благодаря нашему Али. Онъ ее на-

шелъ и только благодаря ему Маня не лежала теперь мертвая на столѣ.

— Я не люблю собакъ, сказала г-жа Курнячкина,—но вашъ Али не такой, какъ всѣ.

А затѣмъ она перевела свой взоръ на папу и продолжала:

— Вы все еще хотите мѣнять квартиру?

— А Али? съ улыбкою отвѣтилъ папа.

— Теперь я предложу ему самое лучшее мѣсто во всемъ моемъ домѣ, сказала она,—и, подойдя къ Али, стала его ласкать.

И мы прожили у г-жи Курнячкиной цѣлые девять лѣтъ.

По «César» изъ «L'écol. III».

УЖЪ СКОРО, СКОРО!

Ужъ скоро, скоро! Снѣгъ сойдетъ,
Весна прекрасная настанетъ,
Сначала верба зацвѣтетъ,
А тамъ и лугъ зеленымъ станетъ.

И этотъ снѣгъ и эта тьма,
И эта сѣрая погода
Уйдутъ далеко и зима
Умретъ до будущаго года.

Къ намъ съ юга птицы прилетятъ,
Скворцы займутъ свои скворешни,
И понесется ароматъ
Отъ яблонь, вишенъ и черешни...

И такъ потянетъ вдругъ туда,
Гдѣ пахарь выѣхалъ ужъ въ поле,
Гдѣ бродятъ мирныя стада
И гдѣ такъ радостно на волѣ!

Туда, гдѣ рѣчка такъ журчитъ,
Гдѣ такъ свѣжо въ аллеяхъ парка
И гдѣ порой свирѣль звучитъ
И съ неба звѣзды свѣтятъ ярко.

Кузнечикъ.

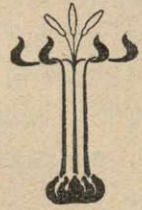
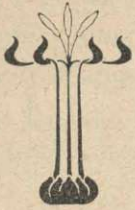

НА ЗАРЬ НОВОЙ ЖИЗНИ.

Историческая повѣсть.

(По Ben-Hur, by Lew. Wallace).

(Продолженіе).

IX.

Бенъ-Хуръ вышелъ отъ Симонида еще болѣе одинокимъ, чѣмъ пришелъ къ нему: къ его неудачамъ въ поискахъ за матерью и сестрою теперь прибавилась еще одна.

Пройдя мимо грудъ товара и кораблей, онъ побрелъ вдоль рѣки, не обращая ни на что вниманія, и совершенно незамѣтилъ, какъ городъ скоро остался позади него. Вмѣстѣ съ нимъ шло много другого народа, и скакали всадники и всѣ они стремились изъ города въ рощу, чтобы послѣ дневныхъ трудовъ подышать чистымъ воздухомъ. По бокамъ дороги возвышались статуи, били фонтаны и были посажены цвѣты. Но они нисколько не занимали Бенъ-Хура: душевное состояніе его было не таково, чтобы обращать вниманіе на великолѣпіе дороги и на роскошь нарядовъ публики, ѣхавшей по ней къ рощѣ. Когда же онъ дошелъ до рощи, то нѣжною волною вечерній вѣтерокъ донесъ до него изъ ея глубины смѣшанный ароматъ розъ и другихъ растений. Какой-то человекъ подошелъ къ нему и спросилъ его по-еврейски:

— Ты тоже идешь въ рощу отдохнуть?

— Да... сказалъ Бенъ-Хуръ. — А что здѣсь такое?

— Здѣсь паркъ, въ которомъ гуляютъ, отвѣтилъ незнакомецъ, — театръ и конскія скачки. На этихъ скачкахъ состязаются богатые люди на самыхъ лучшихъ лошадяхъ. Слышишь грохотъ колесницъ? Состязаніе уже началось...

Бенъ-Хуръ прислушался.

— Я здѣсь совсѣмъ чужой человекъ, сказалъ онъ. — Давай познакомимся! Меня зовутъ сынъ Аррія.

— А я—Маллухъ, торговецъ изъ Антиохіи, отвѣтилъ незнакомецъ. — Но почему же ты, римлянинъ, и такъ хорошо говоришь по-еврейски?

— Я не римлянинъ, а только пріемный сынъ Аррія.

— Ага, теперь я понимаю. Значитъ, ты теперь возвращаешься изъ Рима къ себѣ въ Іерусалимъ?

— Да... Хочу поискать своихъ мать и сестру, которыя когда-то безъ вѣсти пропали.

Маллухъ заинтересовался ихъ судьбою и Бенъ-Хуръ искренно рассказалъ ему снова всю свою исторію. Это очень растрогало Маллуха. Онъ прослезился и подумалъ:—«Надо обо всемъ рассказать моему господину»

Симониду; онъ богатъ и имѣетъ вліятельныхъ знакомыхъ; не поможетъ ли онъ бѣдному Іудѣ розыскать своихъ мать и сестру?»

Они прошли черезъ рошу и вышли на большую поляну, на которой былъ устроенъ для скачекъ кругъ. По бокамъ этого круга были выстроены мѣста для зрителей. По самому кругу скакали уже девять колесницъ, запряженныхъ великолѣпными лошадьми, и всѣ зрители съ замираніемъ сердца слѣдили, которая изъ нихъ проскачетъ скорѣе всѣхъ и выиграетъ пари.

Когда Іуда съ Маллухомъ подошли поближе къ кругу, то скачки уже закончились. Выиграла послѣдняя, девятая, колесница, запряженная чистокровными арабскими лошадьми. Онѣ очень понравились Бенъ-Хуру.

— Чьи это лошади? воскликнулъ онъ.—Вотъ прелесть!

— Это лошади знаменитаго арабскаго шейха Ильдерима, отвѣчалъ Маллухъ.—Видишь вонъ того старца съ большою сѣдою бородой. Это и есть самъ шейхъ. Онъ привелъ эту свою четверку конейсюда въ Антиохію, чтобы одержать побѣду на скачкахъ и доказать римлянамъ, что ихъ лошади никуда не годятся въ сравненіи съ лошадьми простыхъ арабовъ. Къ сожалѣнію, онъ самъ очень старъ и не можетъ ѣздить на колесницѣ, а сыновей у него нѣтъ. Онъ подыскиваетъ теперь себѣ такого молодого человѣка, который сумѣлъ бы управлять его лошадьми, а главное—кото-

раго умѣли бы понимать и слушаться сами его кони.

Глаза у Іуды засверкали.

— Вотъ хорошо бы поѣхаться на нихъ! воскликнулъ онъ.—Я такъ люблю скакать на колесницѣ и часто ѣздилъ на ней въ Римѣ, когда жилъ у свосго пріемнаго отца Аррія!

— А есть ли у тебя столько силы, чтобы сдержать цѣлую четверку лошадей? спросилъ Маллухъ.

— Ты забываешь, отвѣтилъ Іуда,—что я цѣлые три года, день и ночь, гребъ на кораблѣ весломъ. А это тоже что нибудь да значитъ!

•Въ это время на бѣговомъ кругу появилась другая колесница. Красота ея лошадей и изящество самаго экипажа обратили на себя вниманіе Іуды и заставили его внимательнѣе всмотрѣться въ человѣка, который правилъ лошадьми. Кто онъ? Обликъ и осанка этого наѣздника показались ему знакомыми и поразили его. Кто бы это могъ быть? Лошади приближались рысью. Бенъ-Хуръ протискался сквозь толпу и подошелъ поближе къ периламъ. Теперь была видна вся фигура наѣздника. Бенъ-Хуръ взглядѣлся въ него и такъ и окаменѣлъ отъ изумленія.

Это былъ Мессала.

По подбору лошадей и великолѣпію экипажа, по осанкѣ и по всей фигурѣ, а главное по повелительному холодному выраженію лица, Бенъ-Хуръ сразу узналъ прежняго Мессалу, все такого же высокоомѣрнаго, самоувѣреннаго, смѣлаго и насмѣшливаго.

Тогда одинъ изъ слугъ шейха Ильдерима вскочилъ на верхнюю скамью и закричалъ:

— Всѣ присутствующіе, слушайте, что я сейчасъ вамъ буду говорить! Великій шейхъ Аравійской пустыни Ильдеримъ привелъ сюда на состязаніе свою четверку лошадей. Ему необходимо найти человѣка, который сѣумѣлъ бы ею править. Кто изъ васъ такъ силенъ, что сможетъ ихъ сдержать? Кто изъ васъ такъ опытенъ, что сѣумѣетъ на нихъ обогнать всѣхъ здѣшнихъ лошадей? Того, кто сможетъ выполнить эту задачу, шейхъ обѣщаетъ обогатить на всю жизнь. Не желаетъ ли кто-нибудь управлять его лошадьми?

Это воззваніе возбудило между зрителями интересъ. Всѣ зашущукались: каждому захотѣлось получить награду отъ Ильдерима, о которомъ всѣ знали, что онъ былъ щедръ. Бенъ-Хуръ тоже остановился и смотрѣлъ въ нерѣшительности то на этого вѣстника, то на самага шейха. Не попробовать ли ему? Не показать ли сейчасъ передъ всѣми этими зрителями, какъ онъ отлично умѣетъ править? Но настроеніе Бенъ-Хура было теперь не таково. Встрѣча съ Мессалой, которой онъ совершенно не ожидалъ, повергла его въ уныніе. Ему стало казаться, что вся исторія съ паденіемъ черепицы произошла только вчера и что только еще вчера грубыя руки оторвали его отъ матери и сестры, заколотили его домъ и потащили его самага въ каторжныя

работы. И вспомнилось ему, какъ въ скорбные дни его арестантской жизни онъ только и мечталъ что о мести, и прежде всего Мессалѣ. И вотъ неожиданно произошла встрѣча съ этимъ Мессалой. Найди онъ его больнымъ, кающимся, несчастнымъ, — и онъ почувствовалъ бы къ нему состраданіе, но этого не было: Мессала находился еще въ большемъ блескѣ и пышности, чѣмъ прежде.

И, взявши Маллуха подъ руку, онъ тихонько отвелъ его отъ бѣговаго круга.

— Пойдемъ, сказалъ онъ ему.

— Куда? спросилъ его Маллухъ.

— Куда тебѣ угодно.

Они отошли отъ круга и вступили въ дубовую аллею, гдѣ двигался народъ взадъ и впередъ. Аллея выходила въ просторную, зеленую долину и здѣсь они увидѣли знаменитый Ка-стальскій источникъ, водой изъ котораго лечились тогдашніе больные. Здѣсь было еще больше народа. Съ вершины скалы падала струя прозрачной воды въ бассейнъ изъ чернаго мрамора и всѣ пили эту воду.

Бенъ-Хуръ собирался уже подойти къ самому источнику, какъ вдругъ показались новые посѣтители, привлекшіе къ себѣ всеобщее вниманіе. Прежде всего въ глаза всѣхъ бросился бѣлый верблюдъ съ раззолоченнымъ шатромъ на спинѣ. Въ немъ сидѣлъ какой-то сѣдовласый старикъ съ большою сѣдою бородою и съ нимъ дѣвушка необыкновенной красоты, повидимому, египтянка.

— Какой великолѣпный верблюдъ! воскликнулъ одинъ изъ бывшихъ у источника.

— Это навѣрное какой-нибудь князь, прѣхавшій издалека! сказалъ другой.

— Нѣтъ, это не князь, отвѣтилъ третій,—а скорѣе царь!

Тѣмъ временемъ чужестранцы на верблюдѣ подѣхали ближе. Никому изъ присутствовавшихъ никогда не случалось видѣть такого высокаго и статнаго верблюда. Звеня колокольчиками, онъ шелъ легко, точно вовсе не замѣчалъ на себѣ своей ноши. Но кто же могли быть эта женщина и мужчина, сидѣвшіе въ балдахинѣ? Всѣ вопросительно смотрѣли на нихъ.

Проводникъ, ведшій за уздечку верблюда, подвелъ его поближе къ источнику и заставилъ его опуститься на колѣни. Затѣмъ, получивъ отъ сидѣвшей на верблюдѣ прекрасной дѣвушки кувшинъ, онъ сталъ наполнять его водою. Тѣмъ временемъ на землю сошелъ отецъ дѣвушки—сѣдовласый старикъ. Въ эту минуту вдругъ раздался топотъ лошадиныхъ копытъ и грохотъ колесницы и толпа съ крикомъ въ ужасѣ разбѣжалась во всѣ стороны.

— Римлянинъ! Римлянинъ! слышались голоса.—Онъ хочетъ насъ раздавить...

Обернувшись по направленію къ шуму, Бенъ-Хуръ увидѣлъ Мессалу, мчавшагося на своей четверкѣ прямо на народъ. Разступившаяся толпа обнажила собою верблюда. Испуган-

ный проводникъ въ ужасѣ всплеснулъ руками. Старикъ тоже испугался и сдѣлалъ движеніе, чтобы убѣжать, но лѣта и слабость не позволили ему это сдѣлать. Для сидѣвшей на верблюдѣ дѣвушки уже было поздно спастись.

Бенъ-Хуръ подскочилъ къ Мессалѣ и закричалъ:

— Держи вправо! Куда ты ѣдешь? Стой!!

Мессала любилъ проскакать по народу и безнаказанно его раздавить, такъ какъ ему, какъ римлянину, это прощалось, а потому безопасно смѣялся. Бенъ-Хуръ подскочилъ къ нему и схватилъ за узду дышловую лошадь.

— Римская собака! закричалъ онъ.—Ты цѣнишь ни во что чужую жизнь!

Схваченная Бенъ-Хуромъ лошадь взвилась на дыбы, колесница наклонилась и Мессала кубаремъ повалился съ нея на землю. Толпа разразилась звонкимъ смѣхомъ.

— Такъ ему и надо! слышались голоса.—Такъ ему!

Освободившись отъ вожжей, Мессала поднялся на ноги, обошелъ верблюда и косо взглянулъ на Бенъ-Хура.

— Простите меня, обратился онъ къ старику и его дочери.—Я не видѣлъ ни васъ, ни вашего верблюда.

А затѣмъ, убѣдившись въ томъ, что онъ не раздавилъ никого, онъ отвелъ лошадей въ сторону и смѣло обратился къ дѣвушкѣ.

— Кто ты, прекрасная чуже-

Докторъ прѣхаетъ

странка? спросилъ онъ ее.—Какая страна можетъ гордиться тобой? Въ твоихъ глазахъ свѣтится солнце Индіи или Египта. Скажи мнѣ, что ты меня прощаешь, и не отворачивай отъ меня своихъ глазъ!

Она сдѣлала видъ, что обижена и что не слушаетъ его, и обратилась прямо къ Бенъ-Хуру:

— Подойди сюда, добрый незнакомецъ, сказала она.—Возьми эту

чашу, наполни ее водой и дай моему отцу: онъ хочетъ пить.

— Съ большой охотой, отвѣтила ей Бенъ-Хуръ.

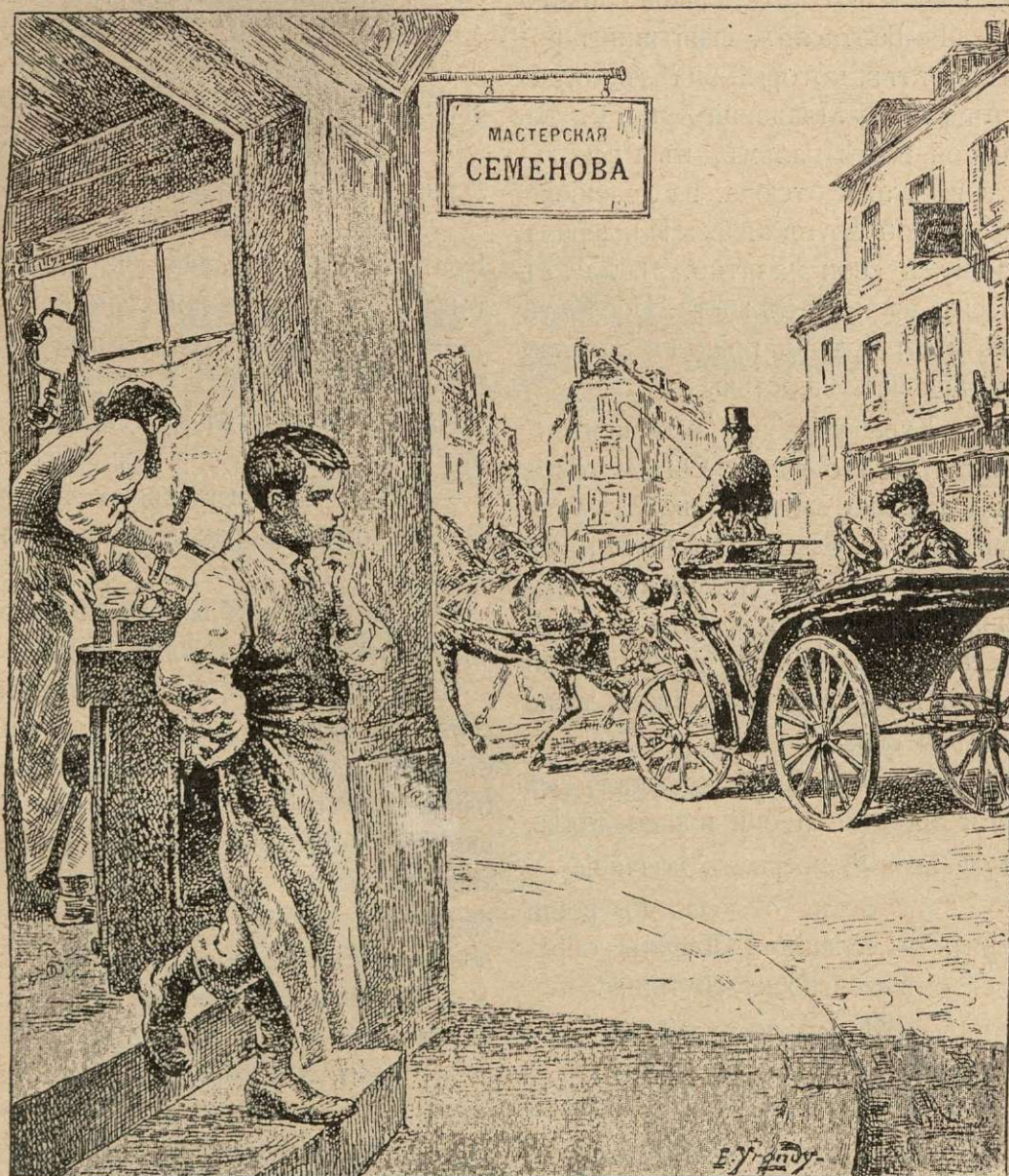
Онъ сдѣлалъ движеніе, чтобы исполнить ея просьбу и очутился лицомъ къ лицу съ Мессалой. Ихъ взоры встрѣтились: взглядъ Іуды былъ вызывающій, а взглядъ Мессалы—насмѣшливъ.

Бенъ-Хуръ подаль старикау воду.

Мессала привелъ въ порядокъ лошадей и уѣхалъ. Дѣвушка проводила его глазами. Старикъ утолилъ свою жажду. Тогда незнакомка прикоснулась, по обычаю, къ чашѣ устами и передала ее Бень-Хуру.

— Возьми эту чашу себѣ на память, сказала она.—Это будетъ доказательствомъ того, какъ мы тебѣ благодарны.

Онъ принялъ отъ нея чашу и тоже, по обычаю, прикоснулся къ ней гу-

... Мимо него вдругъ проѣхала богатая коляска. (Къ разсказу «Счастливецъ»).

бами. Верблюды поднялся и уже готовъ былъ отправиться въ путь, какъ старикъ остановилъ Бенъ-Хура. Тотъ почтительно подошелъ къ нему.

— Ты оказалъ намъ великую услугу, сказалъ ему старикъ.—Призываю на тебя благословеніе единаго Бога. Я—Валтасаръ, египтянинъ родомъ. Я тотъ, который видѣлъ когда-то въ ясляхъ Младенца Христа... Въ большой роцѣ пальмъ, въ нѣсколькихъ верстахъ отсюда, за селеніемъ Дафны, мой другъ шейхъ Ильдеримъ раскинулъ свои палатки. Я ѣду съ дочерью къ нему въ гости. Послѣдуй намъ и ты будешь принятъ ласково и съ признательностью.

Бенъ-Хура поразили его почтенный видъ и его слова. Онъ остановился и долго смотрѣлъ вслѣдъ удалявшемуся верблюду. Слѣдя за нимъ глазами, онъ замѣтилъ Мессалу. Римлянинъ оглядывался на него со своей колесницы съ дерзкой, насмѣшливой улыбкой на губахъ, и, казалось, тоже узналъ и его.

Затѣмъ Бенъ-Хуръ отыскалъ въ толпѣ Маллуха и они пошли далѣе.

Иуда первый прервалъ молчаніе.

— Далеко ли отсюда до роши пальмъ за селеніемъ Дафны? обратился онъ къ своему спутнику.

— А тебѣ зачѣмъ туда? спросилъ Маллухъ.

— Нужно...

— Роша пальмъ отсюда въ разстояніи двухъ часовъ ѣзды на конѣ и одного часа на верблюдѣ.

— Такъ отправимся сейчасъ туда! Я хочу поближе познакомиться съ шейхомъ Ильдеримомъ и поглядѣть на его лошадей. Вѣроятно, онъ теперь уже уѣхалъ отсюда къ себѣ домой, такъ какъ къ нему поѣхали гости. Если мнѣ удастся приучить его лошадей къ себѣ, то я, пожалуй, попытаю счастья и буду на нихъ скакать у васъ на скачкахъ.

— Ты хочешь, чтобы шейхъ Ильдеримъ тебя обогатилъ?

— Нѣтъ, порывисто отвѣтилъ Иуда.—Я не нуждаюсь въ деньгахъ, такъ какъ и самъ довольно богатъ.

— Зачѣмъ же тебѣ тогда трудиться?..

Иуда поглядѣлъ въ ту сторону, гдѣ еще такъ недавно скрылся Мессала.

— Я хочу унижить своего врага... сказалъ онъ и гордо сверкнулъ глазами.

Они наняли верблюдовъ и отправились на нихъ къ роцѣ пальмъ.

Часъ спустя, они были уже въ лагерь Ильдерима. Когда они сошли съ верблюдовъ и приблизились къ одной изъ палатокъ, къ нимъ вышелъ на встрѣчу самъ шейхъ. Онъ завидѣлъ ихъ еще издалека и, не смотря на то, что и самъ только что возвратился изъ города и былъ голоденъ, онъ не сѣлся безъ нихъ за ужинъ.

— Миръ тебѣ, другъ мой Маллухъ, воскликнулъ онъ, когда они подошли поближе.—Добро пожаловать! Ты и твой товарищъ являетесь кстати. У меня найдутся и хлѣбъ и

мясо козленка. Прошу васъ. Вы будете моими гостями.

Бенъ-Хуру показалось страннымъ, что онъ называлъ Маллуха по имени, но онъ смолчалъ. Они вошли въ палатку. Шейхъ протянулъ къ нимъ вино.

— Пейте, сказалъ онъ радушно. — Это васъ подкрѣпитъ съ дороги!

Они взяли чаши и выпили. А когда они уже вошли, Маллухъ отвелъ шейха Ильдерима въ сторону и, переговоривъ съ нимъ о чемъ-то нае-

динъ, точно со своимъ давнишнимъ знакомымъ, вернулся къ Бенъ-Хуру и сказалъ ему:

— Я передалъ о тебѣ шейху и онъ завтра же дастъ тебѣ своихъ лошадей. А теперь прощай! Завтра утромъ я приду къ тебѣ и если все пойдетъ благополучно, то останусь съ тобою до окончанія скачекъ.

И, простившись съ Бенъ-Хуромъ, Маллухъ пустился въ обратный путь.

(Продолженіе слѣдуетъ).

МАРКИЗЪ и БѢДНЯКЪ.

(Басня).

Предъ бѣднякомъ-невѣждой
Одинъ маркизъ такъ хвастался
одеждой:

— «Смотри, какой на мнѣ нарядъ,

Какъ галуны на немъ горятъ!

Какіе у меня и шляпа, и чулки—

И съ пряжками какіе башмаки!

И если ты въ нарядахъ понимаешь

То самъ поймешь, [толкъ,

Что рѣдко гдѣ найдешь

Ты на другихъ такой богатый шелкъ...

А на тебѣ-то что?

Какое-то пальто

И шапка изъ подержаннаго мѣха...

Вѣдь на тебя взглянуть—одна потѣха!

Прямой-же ты дуракъ,

Кольможешь одѣваться только такъ!»

Но вотъ, когда маркизъ умолкъ,

Бѣднякъ ему на это отвѣчаетъ:

— «Дѣйствительно, хорошъ твой

шелкъ,

Пусть всякъ тебя за деньги величаетъ,

Меня-же за мои лохмотья и суму

Пусть всякій дуракомъ считаетъ;

А только всѣ отлично знаютъ,

И мнѣ извѣстно самому,

Что по одеждѣ насъ встрѣчаютъ,

А провожаютъ по уму».

Сомъ.

СЧАСТЛИВЕЦЪ.

Семья у столяра была велика: онъ самъ, его жена, старушка-бабушка и пять человѣкъ дѣтей, изъ которыхъ старшему, Петрушѣ, не было еще и двѣнадцати лѣтъ. Всѣмъ имъ была жизнь далеко не сладка, не смотря на то, что отецъ и мать работали, не покладая рукъ.

Каждый день, прійдя изъ школы, Петруша тоже старался помогать отцу. Онъ строгалъ и пилилъ, но такъ какъ былъ еще малъ, то помощь его была невелика.

Онъ и самъ сознавалъ это, но столярное ремесло ему очень нравилось. Онъ и раньше часто засматривался, какъ его отецъ долбилъ дыры въ доскахъ, вязалъ рамы для оконъ или дѣлалъ двери, и самъ изъ обрѣзковъ старался сдѣлать то-же самое перочиннымъ ножомъ. Но все это была лишь одна забава; теперь же, когда ему исполнилось одиннадцать лѣтъ, онъ серьезно занялся этимъ дѣломъ. Утромъ онъ былъ въ школѣ, а всю остальную часть дня помогалъ отцу. И его дѣтскимъ рукамъ приходилось работать такъ, что иной разъ онъ съ удовольствіемъ выходилъ на крыльцо, полной грудью вдыхалъ въ себя воздухъ и съ интересомъ глядѣлъ на прохожихъ.

И когда однажды онъ стоялъ такъ у крыльца и отдыхалъ, мимо него вдругъ проѣхала богатая коляска.

Онъ встрѣчалъ ее уже не разъ по пути въ школу. Она была запряжена парой чистокровныхъ лошадей и на мягкихъ подушкахъ въ ней сидѣли дама и около нея печальный, блѣдный мальчикъ лѣтъ одиннадцати. Вѣроятно это были мать и сынъ.

— Какой счастливый мальчикъ! подумалъ Петруша и проводилъ коляску глазами.— Должно быть, у него большой домъ, всякія игрушки... Онъ кушаетъ все пирожныя и конфеты... Эхъ, хотѣлъ бы я быть на его мѣстѣ!

Какъ-то утромъ отецъ сказалъ Петрушѣ:

— Намъ съ тобой придется сегодня далеко идти. Я на тебя надѣюсь. Вотъ спицы для палисадника и фаски. У меня уже все заготовлено заранѣе. Надо связать ихъ въ пучки и нести къ графу на дачу. Тамъ у него въ паркѣ надо сдѣлать загородку и лавочки для сидѣнья. Ты пойдешь со мной и поможешь мнѣ. Трудъ не великъ, только одному мнѣ не унести всего.

Они взвалили себѣ спицы на плечи и отправились на дачу. Было уже жарко, спицы оказались тяжелѣе, чѣмъ предполагалъ отецъ, и съ Петруши градомъ катился потъ. Когда они вышли за городъ и мальчикъ увидѣлъ засѣянные хлѣбомъ поля, кузницы и грачей, то ему вспомнилась

деревня и захотѣлось къ себѣ на родину. Но вотъ уже графская дача. Она вся окружена желѣзной рѣшоткой и изъ-за деревьевъ не видно самаго дома. Пахнетъ свѣжею зеленью и цвѣтами. Дворникъ отворяетъ имъ калитку и по посыпаннымъ песочкомъ аллеямъ они входятъ въ паркъ. Кругомъ весело и красиво и, кажется, что никогда-бы не ушелъ изъ этого земного рая. Не зная, гдѣ работать, столяръ кладетъ всѣ свои припасы и инструменты на траву.

Къ нимъ выходитъ самъ графъ и объясняетъ имъ, что и какъ надо дѣлать. Отецъ тотчасъ-же принимается за работу и Петруша изъ всѣхъ силъ старается ему помочь. Но вотъ столяръ начинаетъ рыть ямки для столбовъ. Отъ нечего дѣлать мальчикъ оглядывается по сторонамъ. Сквозь деревья привѣтливо выглядываетъ богатый барскій домъ съ колоннами. Около него стоятъ мраморныя фигуры. Сквозь открытыя окна видны золотыя рамы и зеркала, на которыхъ отражается солнце. Тропическія растенія разставлены по просторной террасѣ, надъ которой тихо колеблется полотняный навѣсъ. Все это кажется Петрушѣ удивительнымъ и похожимъ на тѣ сады и жилища добрыхъ волшебницъ, о которыхъ еще въ школѣ имъ когда-то читала учительница; онъ смотритъ на клумбы съ цвѣтами и они кажутся ему нарочно выкрашенными такъ ярко и poprысканными духами.

Какъ, должно быть, здѣсь живется тепло и хорошо!

Онъ задумывается и старается запомнить все, что его окружаетъ, чтобы потомъ рассказать обо всемъ братьямъ и матери. Какъ вдругъ легкій шорохъ раздается позади него. Онъ оборачивается и видитъ, что въ шагахъ двадцати отъ него, подъ раскидистыми вѣтвями старой липы, на большомъ садовомъ креслѣ сидитъ какой-то мальчикъ. Онъ присматривается къ нему и сразу-же узнаетъ въ немъ того мальчика, который такъ недавно еще проѣзжалъ мимо него въ городѣ въ экипажѣ. Счастливецъ сидѣлъ въ креслѣ, поджавъ одну ножку подъ себя и смотря куда-то вверхъ.

Въ эту минуту самъ графъ подошелъ къ мальчику и поправилъ ему волоса, выбившіеся изъ-подъ шляпы.

— Ты что говоришь, сынокъ? спросилъ онъ его.

— Позови его, папа, сюда... отвѣтилъ онъ.—Вѣдь ты самъ сказалъ, что здѣсь есть мальчикъ!

Графъ улыбнулся и подозвалъ къ себѣ Петрушу.

— Если ты ничѣмъ не занятъ сейчасъ, обратился онъ къ нему, — то подойди къ моему сыну... Поиграйте вмѣстѣ! Онъ хочетъ съ тобою поговорить.

Петруша подошелъ къ мальчику и графъ оставилъ ихъ однихъ. Скоро Петруша замѣтилъ, что его собесѣдникъ держалъ себя какъ-то принужденно и сосредоточенно смотрѣлъ ку-

да-то вдаль. Петруша протянулъ ему руку, но мальчикъ ему вовсе не отвѣтилъ тѣмъ-же. Они долго молчали. Сыну столяра было неловко.

— Какъ тебя зовутъ? прервалъ наконецъ молчаніе мальчикъ.

— Петромъ, отвѣтилъ столяръ.

— Значитъ, ты уже не ходишь учиться, если работаешь вмѣстѣ съ отцомъ?

— Нѣтъ, хожу; до обѣда я хожу въ училище, а послѣ обѣда помогаю отцу. Но теперь лѣто и насъ распустили до сентября.

— Ты играешь во что-нибудь?

— Да; каждое воскресенье отецъ беретъ меня и братьевъ за городъ и мы тамъ бѣгаемъ, рвемъ цвѣты и играемъ въ разныя игры. По вечерамъ-же я иногда играю съ сосѣдними мальчиками въ бабки и въ городки. А то я читаю, а бабушка слушаетъ...

— Счастливый!.. вздохнулъ вдругъ графскій сынъ.—Какъ-бы я желалъ быть на твоёмъ мѣстѣ!

— Это вы счастливый, отвѣтилъ въ удивленіи Петруша.—У васъ есть все: и домъ, и садъ, и эти цвѣты. А у насъ нѣтъ ничего. Это вы говорите такъ, чтобы посмѣяться.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не смѣюсь. Я хотѣлъ-бы быть такимъ-же бѣднымъ, какъ и ты, такъ-же работать, такъ-же ходить въ училище, видѣть папу и маму, глядѣть на небо, на деревья, на дома и на все, на что глядишь и ты. Но я слѣпой! Развѣ ты не видишь!

— Слепой? удивился Петруша.

— Да...

— А ты развѣ не замѣтилъ?

— Нѣтъ...

— Я слѣпой, повторилъ мальчикъ.—

У тебя есть глаза, а у меня нѣтъ... Я ничего не вижу и потому мнѣ скучно, скучно, скучно. Я хотѣлъ бы умереть, но нельзя... Мама тоже плачетъ, когда плачу я, и потому я все время молчу. Иной разъ мнѣ хочется плакать, но плакать нельзя. Я у мамы одинъ и она очень мучится, что я слѣпой...

Петръ глубоко вздохнулъ.

— А развѣ васъ не могутъ вылечить доктора? спросилъ онъ и почувствовалъ, какъ на глазахъ у него появились слезы.

— Не знаю... отвѣтилъ слѣпой.— Много ихъ осматривало меня, а я все не вижу ничего: ни мамы, ни папы, ни неба, ни солнца, ни деревьевъ, ни цвѣтовъ. Мама мнѣ часто читаетъ про разныхъ звѣрей и птицъ, а я ихъ сроду не видалъ и не знаю, что такое звѣрь и что такое птица. Она мнѣ объясняетъ, а я никакъ не могу понять и мы оба начинаемъ плакать. Ты еще здѣсь? Не ушелъ?

— Здѣсь... отвѣтилъ Петруша.

— Расскажи мнѣ, что ты всегда дѣлаешь? Расскажи мнѣ о твоихъ братьяхъ, о мамѣ, о вашемъ домѣ...

Петруша подсѣлъ къ слѣпому и съ увлеченіемъ сталъ рассказывать ему обо всемъ. Слепой слушалъ его съ большимъ вниманіемъ, часто наморщивая лобъ, чтобы лучше понять,

но все-еще по-прежнему глядя исподлобья вверхъ. Затѣмъ сталъ разсказывать Петрушѣ онъ и между мальчиками какъ-то сразу установилась та правда отношеній, которая всегда такъ отличаетъ искреннихъ, хорошихъ людей. Затѣмъ Петрушу подозвалъ къ себѣ отецъ, они долго работали вмѣстѣ.

Вечеромъ столяръ и его сынъ отправились домой. Всю дорогу Петруша думалъ о слѣпомъ и уже не заиводвалъ его судьбѣ; напротивъ, онъ считалъ теперь счастливымъ себя самого и съ благодарностью вспоминалъ о тѣхъ радостяхъ, которыя выпадали на его долю, не смотря на его полную лишениі жизнь.

Прошло нѣсколько недѣль. Столяра снова пригласили работать на графскую дачу и онъ снова отправился туда и прихватилъ съ собою и Петра. Попавъ опять въ прекрасный паркъ, Петруша и на этотъ разъ встрѣтилъ въ немъ слѣпого мальчика. Онъ по-прежнему сидѣлъ въ креслѣ подъ липой и скучалъ. Узнавъ, что около него стоитъ маленькій столяръ, онъ обрадовался ему и протянулъ въ воздухъ руку.

— Здравствуй, сказалъ онъ. — А я тебя такъ долго ждалъ!

Петруша поймалъ его руку и пожалъ ее. Они разговорились.

— А я скажу тебѣ одинъ секретъ... началъ слѣпой. — На прошлой недѣлѣ папа возилъ меня въ Москву къ двумъ знаменитымъ докторамъ. Послѣ завтра они приѣдутъ сюда сами

и сдѣлаютъ мнѣ операцію и, быть можетъ, я буду видѣть снова. Говорятъ, что я видѣлъ очень хорошо, но когда мнѣ было четыре года, то у меня очень болѣла голова и я ослѣпъ. Ахъ, поскорѣе-бы приходило это послѣ-завтра! Я сталъ-бы видѣть и работалъ-бы вмѣстѣ съ тобою и съ твоимъ отцомъ!..

Лицо мальчика оживилось и даже, какъ показалось Петрушѣ, засверкали его потухшіе глаза. Онъ поднялъ ихъ еще выше къ небу, сложилъ руки ладонями вмѣстѣ и съ дрожью въ голосѣ сказалъ: —

— Боженька, милый Боженька! Дай, чтобы я снова увидѣлъ свѣтъ!

Петруша опустилъ голову и тихо произнесъ:

— Я каждый день молюсь за васъ Богу, и мои братья и мама тоже... Я имъ разсказалъ о васъ и они долго плакали всѣ вмѣстѣ навзрыдь...

Въ это время Петрушу позвалъ къ себѣ отецъ. Они поработали вмѣстѣ еще нѣкоторое время, а затѣмъ собрали инструменты и побрели къ себѣ домой.

Настала осень, пришла затѣмъ зима и за работой да за ученьемъ Петруша и не замѣчалъ, какъ быстро мелькали дни за днями и какъ послѣ долгихъ ночей стало мало-помалу пораньше свѣтать и попозже темнѣть. Побѣжали затѣмъ ручьи, прилетѣли птицы, засвѣтило ярче солнце и снова настала весна и зазеленѣли поля и лѣса. Петруша все время думалъ о своемъ новомъ

другъ. Что съ нимъ? Здоровъ-ли онъ? Какъ сошла та операція, которой онъ такъ ожидалъ?

И воспользовавшись однимъ изъ воскресеній, онъ отпросился погулять за городъ и со всѣхъ ногъ побѣжалъ къ графской дачѣ. Вотъ уже городъ остался за нимъ позади, вотъ уже загородный лѣсъ, а тамъ, за поворотомъ рѣки, виднѣется уже и графскій паркъ. Петруша собирается съ силами и бѣжитъ по только что просохшей послѣ весенняго дождя дорогѣ. Поютъ жаворонки въ далекой синевѣ неба, въ деревьяхъ кричатъ грачи и сѣрыя вороны скачутъ неуклюже по лугу. Во всякое другое время онъ обратился-бы на нихъ вниманіе, но теперь онъ занятъ былъ не тѣмъ: ему хотѣлось поскорѣ увидѣть маленькаго графа и разспросить его обо всемъ.

Но вотъ уже и графская усадьба. Петруша подошелъ къ желѣзной рѣшоткѣ и сталъ сквозь нее смотрѣть. Вотъ тѣ скамейки, которыя онъ дѣлалъ въ прошломъ году вмѣстѣ съ отцомъ, вонъ та липа, подъ которой онъ встрѣтилъ когда-то слѣпого, а вонъ и барскій домъ. Около него ходятъ горничная и лакей. Но здѣсь-ли тотъ мальчикъ? Живъ-ли онъ еще? Не увезли-ли его въ Москву?

И вдругъ неожиданно около него кто-то говорить:

— Здравствуй, Петруша! Кажется, ты Петруша? Или кто-нибудь другой?

Петруша оборачивается и видитъ по ту сторону рѣшотки, какъ разъ противъ себя, маленькаго графа. Онъ глядитъ на него одинокимъ глазомъ и въ этомъ одномъ глазѣ, какъ въ зеркалѣ, отражается вся его душа.

— Ну, какъ ваши глаза? спрашиваетъ Петруша.

— Ничего, отвѣчаетъ маленькій больной.—Я вижу теперь на одинъ глазъ и я такъ доволенъ! Вотъ счастье! Я могу теперь видѣть солнце и маму, а это лучше чѣмъ всѣ богатства въ мірѣ!

Онъ подошелъ къ калиткѣ, отперъ ее самъ и впустилъ въ нее Петрушу. Маленькій столяръ шелъ около него и мысленно повторялъ:

— Слава Богу! Теперь онъ хоть немножко счастливъ... А я думалъ, что онъ останется несчастнымъ навѣкъ!

Онъ оглядѣлся вокругъ себя. Кругомъ было такъ прекрасно, какъ въ сказкѣ, пѣли птицы и пахли цвѣты, но все это было ничто въ сравненіи съ тѣмъ несчастьемъ, которое испыталъ его маленькій другъ.

М. Б.

Годъ изданія третій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1910 ГОДЪ

НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ДѢТЕЙ

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

Выходитъ два раза въ мѣсяць (24 номера въ годъ)

подъ редакціей М. П. ЧЕХОВА

ПО СЛѢДУЮЩЕЙ ПРОГРАММѢ:

- 1) Повѣсти, рассказы, сказки, стихотворенія.
- 2) Путешествія.
- 3) Біографіи знаменитыхъ людей.
- 4) Статьи по естественной исторіи изъ жизни животныхъ, птицъ, насекомыхъ и растений.
- 5) Рассказы изъ жизни племенъ и народовъ.
- 6) Рассказы изъ жизни святыхъ.
- 7) Статьи по хозяйству и домоводству.
- 8) Игры и занятія.
- 9) Ноты для пѣнія и игры на фортепiano.
- 10) Каррикатуры и смѣшныя исторіи въ картинкахъ.
- 11) Загадки, ребусы, шарады.
- 12) Романы, повѣсти и рассказы изъ Русской исторіи.
- 13) 12 вырѣзныхъ выкроекъ для дѣтскихъ костюмовъ.
Каждая мать сможетъ одѣть по нимъ своего ребенка дома безъ помощи портнихи.
- 14) Картонажи для склеиванія и другія приложенія.
- 15) Смѣсь: различные рецепты, анекдоты, шутки и проч.
- 16) Почтовый ящикъ для переписки съ подписчиками.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой: на годъ 3 р. 80 к.

Допускается разсрочка: при подпискѣ—2 р. и къ 1-му Апрѣля
остальные—1 р. 80 к.

Подписка принимается: въ Конторѣ журнала „Золотое Дѣтство“, С.-Петербургъ, Матвѣевская, 3, уг. Пушкарской, и въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и Петербурга.

Подписной годъ съ 1-го ноября.

Редакторъ-Издатель М. П. Чеховъ.